

С. Ситар
Деревни

Где был ты, когда я полагал основания земли? Скажи, если знаешь.

Книга Иова 38, 4.

“...похоже, испытываю какой-то суеверный страх перед импровизацией "в пространстве и материале". Самое яркое переживание за последние полторы недели связано у меня именно с этой проблемой. Меня пригласили участвовать в "закрытой" (без зрителей) акции КД, центральным сюжетом которой была попытка общими усилиями установить вертикально в центре поля 20-ти метровую деревянную "рейку", собранную с помощью гвоздей и скотча из десятка тонких штакетов сечением где-то 2.5x5 см (т.е. соотношение длины и поперечника примерно 500/1). То, что задача наша будет состоять именно в этом, до последнего момента мне лично было неизвестно. И самыми незабываемыми были как раз ощущения с той минуты, когда я, наконец, понял, что именно в этом заключается план акции (прекрасно при этом отдавая себе отчет в невозможности его осуществления), и до того момента, когда "рейка" (вернее, сохранившаяся ее часть) была все же "воздвигнута" на поле. В промежутке между этими двумя этапами мы, по сути, просто "выпихивали" - кто-то руками, а я, например, с помощью 5-ти метровой "рогульки", сооруженной из найденного в соседней роще сухого древесного отростка - "выпихивали" в небо этот извивающийся, упругий и предельно нестабильный идиотский предмет. Затея, разумеется, "провалилась с треском". Причем неоднократно. Но радости (как мне показалось - общей) не было предела.

Откуда же взялась эта радость? Чему, скажите на милость, радовались участвовавшие в акции почтенные и многое повидавшие на своем веку люди?

Во-первых, выяснилось с предельной наглядностью, что когда наши действия сильно концентрируются на каком-то физическом объекте, мы как-то автоматически почти полностью с ним отождествляемся - и, соответственно, когда объект начинает парить (пусть даже это продолжается какие-то секунды), мы начинаем парить вместе с ним. Но, пожалуй, более важное для меня открытие состояло в том, что необыкновенно приятно “делать невозможное”. Именно не придумывать как сделать невозможное возможным (чем так или иначе периодически занимается архитектор и художник), а без лишних предварительных сомнений просто брать и делать это невозможное - а уж что получится, то получится. Ведь когда мы говорим "ничего не получится", мы, на самом деле, наивно преувеличиваем свои способности...”

Из письма А.Б.
22.10.03

В приведенном выше кратком описании акции “Деревни” упущены два существенных обстоятельства: 1) не упомянуто о том, что перед началом манипуляций с “рейкой” на краю поля на растяжках были закреплены миниатюрные изображения золотых зайцев, которые в какой-то степени символически “замещали” неприглашенных зрителей; 2) на самой “рейке” по всей ее длине перед “установкой” были наклеены этикетки с названиями исчезающих российских деревень и с указанием числа оставшихся в них жителей – эта деталь дает ключ к названию акции. Кроме того, важным компонентом был маячивший над/за горизонтом купол классицистической церкви ПСТ Воздвиженское.

Учитывая, что мои собственные профессиональные занятия в последнее время как-то неовратно стягиваются к области анализа культурно-обусловленных трансформаций системы расселения, было бы естественно коснуться в этом тексте этой второй “деревенской” линии – даже имея в виду то обстоятельство, что в акциях КД как правило “показывается то, на что не надо смотреть” (вспоминается, почему-то, “настольная лампа во второй комнате” из комментария И.Бакштейна к

акции “Юпитер”). Когда мы ехали к месту акции по Ярославскому шоссе – страшно долго, из-за непрекращающейся многокилометровой пробки – у меня возникло “мучительно реальное” ощущение, что акция с таким названием уже однажды была КД осуществлена – в чем А.М. меня немедленно и настойчиво разуверил. Теперь я склоняюсь к мысли, что, возможно, эта паранезическая иллюзия была навеяна “черными деревнями” из “Мифогенной любви каст” Ануфриева и Пепперштейна. Но, как бы то ни было, название “Деревни” было воспринято как что-то “гиперорганичное” в общем контексте творчества КД, - вроде того, что если такой акции еще и не было, то ее, безусловно, следовало придумать и провести. Чем было обусловлено это труднопреодолимое ощущение? Даже если отвлечься от эстетической стороны вопроса и рассмотреть исключительно то, что всплывало на поверхность текстовых манифестаций, легко уловить тесную связь между практикой КД и процессом ускоренной урбанизации России, большая часть которого (увеличение доли городского населения с 15 до 75%) пришлась на советский период. В контексте урбанистики сегодня вполне легитимно смотрится предположение, что весь советский строй был ни чем иным как специфическим, характерным для данного культурного региона модусом урбанизации – ответом определенного сообщества на “вызов” урбанизации, гарантировавшим некоторую степень культурно-организационной преемственности (общинность, соборность, “крестьянский мир”). В приближении к пониманию всей радикальности этой урбанистической трансформации для меня в свое время огромную роль сыграла вступительная часть предисловия Монастырского к 5-му тому ПЗГ, - та самая часть, где впервые (как кажется) на сцену выступила мыслеформа “крестьяне в городах”. Лейтмотивом этого текстового фрагмента можно условно считать формулу: “Городская топография, в отличие от сельской, – топография по преимуществу знаковая”. Из контекста предисловия было при этом понятно, что имеется в виду не только роль знакового измерения в топографии как таковой (в смысле конвенционального представления жизненного пространства) – сам Монастырский тут же распространил “воцарение” знаковой стихии в сознании новоиспеченных городских жителей на восприятие ими современного искусства. Ясно, что подобным же образом этот тезис можно перенести на все другие уровни организации жизни и взаимодействий между людьми – и здесь, кстати сказать, немалую помощь оказывает проведенное А.М. шизоаналитическое толкование слова “сема” как “знания множества”. Такое расширение перспективы, позволяя, с одной стороны, по-новому взглянуть на процессы, изменяющие в настоящий момент до неузнаваемости лица пост-социалистических городов (такие, например, как испещрение едва ли не всей свободной внешней поверхности города иллюстрированными текстами рекламных объявлений), с другой стороны, вновь возвращает нас к проблематике КД, но уже в ее “фундаментально-догматическом” ракурсе – т.е. в ракурсе систематической дискредитации дискурсивно-понимающего типа восприятия, “семантической деструкции языка искусства” (как выразился И.Бакштейн) и т.д. То, что для КД границы “валентности” знаковых систем в известном смысле совпадают с границами города, не является каким-то новым наблюдением – так или иначе это всегда отражалось в дискуссиях по вопросу о том, почему именно “загород” стал предпочтительным местом проведения акций.

Помимо терминологической идиомы А.М. “крестьяне в городах” в “Словаре терминов Московской концептуальной школы” имеется еще один термин, который как бы сам собой просится быть включенным в наметившуюся здесь интерпретационную перспективу – это термин С.Ануфриева “АГМ” - “анти-гравитационные мероприятия”. Знаменательно, что именно архитектурная история Москвы, столицы “первого в мире социалистического государства”, позволяет без особого труда продлить использованную Ануфриевым для определения этого термина линию растения->насекомые в направлении города как феномена человеческой культуры. Вполне очевидно, что одним из ключевых этапов развития этой линии в XX веке стала эпопея проектирования и строительства Дворца Советов, которая, в случае успеха, должна была забросить монументализированную фигуру Ленина за облака, “на внешнюю сторону неба”. После того, как идея Дворца Советов дезактуализировалась (лопнув от напора собственной сакральности) и осела на теле Москвы в виде ожерелья из семи т.н. сталинских высоток, правопреемниками архитекторов и строителей стали, по-видимому, конструкторы космических кораблей и их пилоты – космонавты. При этом триумфальный выход людей на орбиту Земли имел одно довольно любопытное и редко

обсуждаемое продолжение – все удлиняющиеся периоды пребывания космонавтов в статичной техногенной обстановке орбитальных станций вскоре (и, судя по рассказам, - с подачи самих космонавтов) стали рассматриваться как несущие серьезную угрозу для их психического равновесия и даже психического здоровья. Для решения этой проблемы – и особенно в связи с планировавшимся началом колонизации Луны - при ОКБ Королева было сформировано особое подразделение под руководством архитектора Игоря Козлова. Этим подразделением с конца 70-х и на протяжении 80-х годов разрабатывались программы комплексного воздействия на органы чувств космонавтов, т.е. проводились эксперименты по созданию изменяющихся искусственных образно-смысловых сред, призванных приблизить повседневный опыт (пространственно-временные переживания) несущих космическую вахту людей к опыту их земного существования¹. Программы эти были дополнением к спортивным тренажерам, обеспечивавшим стимуляцию мышц для предотвращения их постепенной атрофии в условиях невесомости. В рамках данного рассмотрения, как нетрудно догадаться, важно в первую очередь то, что, хотя целью этих программ была “естественность” переживаний, конструировалась эта “естественность” исключительно в порядке репрезентации. Интересно также, что средства, с которыми экспериментировали ученые для достижения поставленной цели – слайд-фильмы с видами земных ландшафтов, изменения режима освещения, фонограммы – были практически идентичны тем, что использовались в квартирных акциях КД типа “Юпитера” (при прямо противоположной интенции, которую в случае космонавтов можно описать, перефразировав Шопенгауэра: “Не дать спящему проснуться”).

Ни к чему иному, кроме вышеупомянутых программ сенсорной и мышечной стимуляции, не приходит в голову возводить генеалогию современных вездесущих фитнес-салонов, компьютерных игр и интерактивной виртуальной реальности, составляющих как бы квинтэссенцию сегодняшних городских “анти-гравитационных мероприятий”. Инженеры, работающие в сфере т.н. “технологии умного дома”, в настоящий момент доводят до совершенства компьютерные системы, способные управлять по заранее написанным “партитурам” всеми свето-звуковыми, коммуникационными и климатическими параметрами среды внутри городского жилища, которое по степени замкнутости и самодостаточности превращается, таким образом, в аналог космического корабля. В связи с этим складывается впечатление, что такое в полном смысле глобальное предприятие как освоение космоса понадобилось “сознанию согласованной реальности” по сути лишь для того, чтобы как-то ознаменовать, отпраздновать переход из мира познаваемых “законов природы” в мир конституируемой тотальной репрезентации – т.е. от мира декартовского к миру пост-кантианскому. Относительно “полной осознанности” этого перехода обольщаться, конечно, не стоит - российский город только начинает адаптироваться к своему новому истинно городскому *raison d’etre*, который заключается не в производстве необходимого, но в производстве выразительного. Что уж там говорить о широком осознании исчерпанности самой процедуры репрезентации. После оккупации китайцами Тибета надежду на перемещение общекультурного эпицентра АГМ на “постсемиотический” уровень остается связывать, разве что, с подвижнической деятельностью разбросанных по миру отдельных групп энтузиастов - и их способностью создавать подобно КД новые типы интересубъективных практик.

В сложившейся ситуации не трудно, конечно, встать на позицию культурного пессимизма и признать, что сам по себе переход в пансемиотическое пространство (обретение городом своей подлинной сущности) еще ничего не гарантирует, и что развитие в этом направлении должно скорее привести к какому-то невиданному по масштабам коллапсу.

Наш путь к месту проведения “Деревень” настраивал именно таким образом. Вязко облепившие нас со всех сторон потоки машин воспринимались как живое воплощение интенсифицировавшихся информационных потоков, буксующих по причине собственной неоправданной избыточности. Это была массовая коммуникация (пусть и лишь транспортная), и при этом каждый ее участник оставался предельно изолированным, отчужденным от всех остальных жестяной оболочкой своего автомобиля, - цвет, “фасон” и марка которого в условиях востожествовавшего рынка стали одной из общепринятых форм выражения индивидуальности владельца, наряду с костюмом и прической – т.е. редуцировались до уровня знака. Кто-то из сидевших в нашей машине робко предположил, что

причина непрекращающегося затора – строительный рынок, расположенный где-то в районе Мытищ или Королева. Однако мы миновали “ползком” эти населенные пункты, оставили позади несколько гигантских рынков, а долгожданного просвета в движении по-прежнему видно не было. Жесткую и, надо сказать, оправдавшую себя в ходе дальнейших событий позицию в обсуждении “пробки” занял управлявший машиной Николай Панитков, который присек ростки “левацких настроений” (дескать, во всем “рынок” виноват), настаивая на том, что у затора нет никаких других причин, кроме самого города – чтобы движение нормализовалось, нужно просто удалиться от него на значительное расстояние.

Так, парадоксальным образом, постепенное (а не скачкообразное) рассасывание пробки привело к сгущению туч над городом, ибо оно подтверждало “анти-городскую” версию Паниткова. Однако постепенность эта означала также, что никакого “катаклизма” не произошло – за исключением, пожалуй, нашей собственной временной топографической дезориентации - в какой-то момент мы утратили понимание того, где находится нужный нам поворот с шоссе, и для его обнаружения вынуждены были положиться уже на непосредственное (т.е. не опосредованное дорожными знаками) “чтение” ландшафта.

(На этом месте в процессе написания текста наступил небольшой вынужденный перерыв, во время которого я неожиданно оказался в одном вагоне метро с давно потерянным из виду Иосифом Бакштейном. Я напомнил ему про его тексты периода “квартирных акций”, а он в ответ передал мне ксерокопию своей недавней статьи в “Коммерсанте” по поводу инсталляции Олафура Элиассона Weather Project в лондонской галерее Tate Modern, темой которой было как раз воспроизведение “естественного” феномена откровенно искусственными средствами, - что очень перекликается с обсуждавшимися выше космическими экспериментами 2).

Деревни (как и природа) сегодня предстают как остаток, постепенно исчезающий след того периода “райской безответственности”, когда на работу Бессознательного еще вполне можно было полагаться – или когда Бессознательное еще не было “структурировано как язык”. Мир “тотальной искусственности” противопоставляет этой ситуации чреватую постоянной фрустрацией диктатуру “закона Мёрфи”, подразумевающую, что если что-то не полностью контролируется (т.е. не полностью опосредуется языком), то из двух “одинаково” возможных событий произойдет худшее. Так проявляет себя Бессознательное в распространенном сейчас понимании этого слова – Бессознательное как “логово монстров”. Соответственно, для перехода в следующую, постсемиотическую “сенильную” фазу необходимо принятие того, что *хуже* “имеющегося в наличии” уже ничего быть не может. И хотя в данном тексте (как, например, и у Ницше в “Рождении трагедии”) предпринимается попытка “встроить” это осознание в некоторую историографическую перспективу, по сути своей оно является абсолютно внеисторическим – т.е. его с равным успехом можно “отсчитывать” и от Гагарина, и от Канта, и от Христа, и от книги Иова и т.д..

Было бы, следовательно, весьма наивно, приняв всерьез “сгустившуюся” вокруг КД в ходе их деятельности и в ходе настоящего повествования “анти-урбанистическую” ауру, ожидать от акции “Деревни” какого-то ностальгического “восстановительного” жеста в отношении исчезающих деревень. К той же мысли подталкивал и непосредственно предшествовавший акции этап, когда мы с Панитковым искали последний невспаханный участок поля, оживленно беседуя при этом отнюдь не о святой пустоте деревень, а о радикализованной искусственности – обсуждались, я помню, голландские телешоу с участием людей, прошедших в целях рекламы клиник пластической хирургии через процедуру тотального косметического усовершенствования, а также неотвратимо надвигающиеся перспективы “технологического” бессмертия. Подходящий участок мы в результате все же нашли. Он располагался в самом дальнем от начала нашего пешего маршрута углу поля, ограниченного с четырех сторон оврагом, озером, Ярославским шоссе и поворотом на Абрамцево, и был покрыт бархатно-золотистой стерней – под цвет зайцев, которых там предстояло развесить.

Развеска зайцев, как я теперь понимаю, послужила своего рода сигналом для постепенного снижения до нуля интенсивности внутреннего и внешнего дискурса – наподобие введенной недавно на авиарейсах команды выключить свои мобильные телефоны на время взлета и набора высоты.

Примерно с этого момента у меня в голове звучал только нарастающий хохот, который, с некоторыми перерывами, продолжает звучать до сих пор. Уже далеко не в первый раз оказавшись свидетелем акции, и будучи уже неоднократно так или иначе вовлеченным в ее осуществление на телесном уровне, я, по-видимому, впервые по-настоящему плотно соприкоснулся с тем глубинным течением в практике КД – именуемым то “созерцательно-действенным восприятием”, то “физической акциденцией”, то просто “механикой” действия, - с поверхности которого любое текстообразование соскакивает как вода с раскаленной сковородки. Убедить себя взяться за составление этого комментария мне удалось только в силу предположения, что этот поразительный эффект вряд ли бы возник, если бы в упомянутый “телесный план” не были втянуты и опрокинуты, если бы им не были с какой-то веселой “людоедской” бесцеремонностью поглощены вкратце проанализированные здесь контексты.

21.12.03

1. В середине 80-х эти исследования были продолжены на специальном модуле в Институте медико-биологических проблем, с развитием их направления в сторону изучения влияния свето-цветового климата на работоспособность человека в условиях “замкнутого пространства ограниченного объема” (См. “Проект Россия” №15, М., 2000).

2. И если уж зашла речь об этом тексте Бакштейна, следует добавить, что он поразил меня своей предельно сухой дескриптивностью – т.е. очевидным отказом от какой-либо “авторской” интерпретации.